

Проблемы неопределенности права сквозь призму метамодерна

Д. С. Сечин

Для цитирования: Сечин Д. С. Проблемы неопределенности права сквозь призму метамодерна // Правоведение. 2022. Т. 66, № 4. С. 448–467. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.406>

Цель исследования состоит в выявлении фундаментальных проблем интерпретации правовых текстов, а также в поиске возможных путей их преодоления, на основе современных философских подходов. В фокусе статьи — юридическое толкование в международном праве, обусловливаемое рядом особых характеристик, в частности крайним разнообразием культурных и правовых традиций, относительной примитивностью международных отношений и др. Автор стремится не вывести прескриптивные выводы, а дескриптивно описать работу языка права, его понимание и использование. Проблема восприятия текстов не нова для науки, однако актуальность данной работы связана с анализом постмодернистской критики интерпретации права. Основная часть данной критики сфокусирована на двух фундаментальных проблемах: семантической неопределенности, когда субъекты вкладывают разный смысл в используемые слова, а также продемонстрированной М. Коскенниemi структурной неопределенности, когда аргументация сторон рассматривается как равнозначная, из-за чего невозможно сделать действительно аргументированный выбор между представленными сторонами аргументами. Выход за пределы постмодернистской критики возможен на основе концепции метамодерна, предполагающей преодоление основных идей и концепций эпохи модерна и постмодерна. Применяются общенаучные методы, в частности дедукция — для применения концепции метамодерна к отдельным проблемам толкования, а также индукция — для формирования общих выводов на основе анализа практики толкования правовых текстов. Снятие постмодернистского тезиса семантической неопределенности текстов основывается на обращении к идеям модерна об установлении правил толкования и принятии определенных границ разумного толкования. Преодоление выявленной структурной неопределенности при применении правовых норм заключается в переосмыслении универсальной иерархической организованной системы ценностей модерна. В современном мире действует система с квазиерархическими ценностями, где в отсутствие явно выстроенной универсальной иерархии государства рассматривают одни ценности как более приоритетные по отношению к другим, что делает возможным для судов выбор между основанными на ценностях аргументами.

Ключевые слова: международное право, семантическая неопределенность, интерпретация права, толкование норм, метамодерн, правовая неопределенность, структурная неопределенность.

1. Введение

Язык обуславливает существование и функционирование общества. Понимание важности языка отразилось и в науке права. Так, А. В. Поляков указывает, что норма права становится таковой через социальную интерпретацию и через социальное взаимодействие субъектов, реализующих свои права и обязанности

Сечин Даниил Сергеевич — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; just-daniil@yandex.ru

на основе интерпретированных текстов¹. Язык играет ключевую роль в международном правосудии, так как разрешение споров основывается на интерпретации правовых текстов и применении правовых норм к конкретным ситуациям. Право и международное право не является здесь исключением, состоит не из высеченных в камне норм, а из текстов, толкуемых людьми. Соответственно, работа с языком права является основой для его эффективного применения.

Однако толкование правовых текстов связано с проблемой неопределенности, неизбежно возникающей при работе с ними. Э. Д'Амато считал, что силы внутри правовой системы со временем делают нормы более неопределенными, поэтому естественным развитием права является движение к неопределенности, что, в частности, основывается на внешних факторах, таких как рост числа судебных решений и норм².

Предметом исследования будет юридическое толкование в международном праве, обусловливаемое рядом особых характеристик, а именно его межкультурным характером, крайним разнообразием культурных и правовых традиций, а также относительной примитивностью межгосударственных отношений в целом³. Понятие неопределенности является автологичным. В данной работе неопределенностью можно считать свойство слова и утверждения обладать более чем одним значением.

Наука XX в. сформулировала несколько фундаментальных проблем в интерпретации права. Как указывал А. В. Поляков, постнеклассическая наука скептически воспринимает возможность понимания правового текста как содержащего единый неизменный смысл. Любое толкование принципиально допускает различные интерпретации⁴. Такой подход, развитый учеными постмодерна, под которым здесь понимается период культуры второй половины XX в., постепенно привел к выявлению двух принципиальных ограничений в интерпретации, а именно семантической и структурной неопределенности, что делает сам акт коммуникации затруднительным и бросает серьезный вызов существованию права и его эффективности. Преодоление этих проблем является целью исследования.

2. Постмодерн

Ужасы Второй мировой войны сильно повлияли на язык искусства и права. Т. Адорно, представитель Франкфуртской критической школы, утверждал, что после Освенцима любое слово с отзвуком возвышенных нот не может существовать⁵, так как трагедия оправдывалась и легитимировалась возвышенными нотами, звучащими от абсолютных идей модерна, таких как империализм и национализм, а также их языком.

Потребность в исследовании того, как люди используют язык и выражают с его помощью идеи, стала причиной лингвистического поворота в науке, и в XX в. профессиональная философия буквально сконцентрировалась на навязчивой идее лингвистической неопределенности⁶. Исследователи стали рассматривать текст

¹ Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 28–29.

² D'Amato A. Legal Uncertainty // California Law Review. 1983. Vol. 71, no. 1. P. 7–8.

³ Interpretation in international law / ed. by A. Bianchi, D. Peat, M. Windsor. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 376.

⁴ Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. С. 776.

⁵ Адорно Т. В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. С. 328.

⁶ Interpretation in international law. P. 375.

как заключающий в себе диапазон смыслов, которые могут возникнуть в сознании читателя, и при этом спектр этих смыслов определяется весьма произвольно⁷.

Лингвистический поворот в философии привел к тому, что весь процесс употребления слов в языке представлялся «языковой игрой», понимаемой Л. Витгенштейном как целое, включающее язык и действия, с которыми он переплетен⁸, т. е. языковыми играми являются рассуждение, повествование, чтение, письмо и иные формы речевого разумения, отражающие динамичные функциональные практики⁹. Известный теоретик постмодерна Ж.-Ф. Лиотар считал, что языковые игры являются необходимым минимумом для существования социальных связей в обществе, а в среде, где коммуникация становится все явственнее как реальность и как проблема, языковой аспект приобретает новые значения, выходящие за рамки простой манипуляции и искажения¹⁰.

Феномен языковой игры способствовал изменению характера научного знания, которое перестало быть определенным и стало сомнительным¹¹. Такие подходы сформировали культуру постмодерна, где человек находится в постоянных сомнениях в целостности мира и даже реальности¹². В праве лингвистический поворот привел как к формалистическому анализу права в качестве закрытой языковой системы, так и к изучению права в рамках языковой коммуникации, семиотики и организационного поведения¹³, что обусловило отказ от рассмотрения языка как простого и надежного средства коммуникации, поскольку интерпретация одного текста разными субъектами создает множество отдельных версий текста¹⁴.

Постмодернистские философы выявили ряд фундаментальных проблем в интерпретации. Это прежде всего семантическая неопределенность, которая проявляется в различном понимании смысла отдельных слов и утверждений, в результате чего коммуникация между субъектами не происходит адекватно, так как стороны, читая один текст, вкладывают в него разный смысл и вследствие этого приходят к разным выводам.

Другая важная проблема заключается в наличии структурной неопределенности, возникающей при построении и анализе утверждений, в результате чего сама структура аргументации не позволяет рассмотреть противоположные утверждения надлежащим образом.

2.1. Семантическая неопределенность права. Свобода в коробке

Единая семантика правовых текстов критически важна для юристов, прежде всего для достижения единообразия правоприменительной практики.

На уровне правового регулирования 60-е годы XX в. завершаются систематизацией правил толкования, выраженных в разработке и принятии Венской конвенции о праве международных договоров, где ст. 31–33 содержат четко сформулированные правила толкования и интерпретации международных соглашений.

⁷ Ibid.

⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018. С. 20.

⁹ Добросельский Л. Язык играет человеком или реальность Витгенштейна // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. М.: ИФРАН, 1996. С. 7.

¹⁰ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 2016. С. 46–47.

¹¹ Там же. С. 92.

¹² Ziborov O., Medushevskaya N., Sigalov K. The Sociocultural Context in Law: Modernism-Postmodernism-Metamodernism // Wisdom. 2021. Vol. 1, no. 1. P. 236.

¹³ Hutton C. Language, meaning and the law. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. P. 55.

¹⁴ Ibid. P. 61.

Однако наука вследствие лингвистического поворота сосредоточилась на изучении семантической неопределенности. Так, в работе Г.Харта «Понятие права» 1961 г. проблема лингвистической неопределенности поясняется на известном примере правила о запрете использования средства передвижения в парке, где понятие «средства передвижения» не может быть определено с достаточной ясностью в пограничных ситуациях¹⁵. Однако несмотря на такую неопределенность норм, Г.Харт допускал возможность определения смысла концептуальных слов (concept words), которые и создают неточность формулировок с их использованием. Для этого Харт помещал концептуальные слова в различные контексты, где их употребление не вызывает разночтений и проблем. При этом Г.Харт допускал возможность определения «ядра» смысла слов. Кроме того, он допускал существование «полутени», где существует неопределенность значения слов, для устранения которой возможно обратиться, например, к предполагаемой цели нормы¹⁶. Работа Харта стала важным шагом в исследовании семантической неопределенности.

Представители критических правовых исследований, в частности Коскениями, а также сторонники реализма и инструментализма исследовали неопределенность юридических правил и понятий как следствие неопределенности языка, по сути, перенося идеи Л. Витгенштейна в сферу права. Для них неопределенность языка проявляется не столько в наличии двусмысленности и абстрактности некоторых слов, сколько в неизбежной неопределенности, возникающей при использовании языка, в которых слова выступают единицей значения¹⁷.

Семантика слов основывается на использовании языка между людьми, соответственно, определенность слов и утверждений зависит от согласия лингвистического сообщества в том, как его надо применять. Язык права используется преимущественно сообществом юристов, в котором все имеют разный опыт и взгляды на мир. Однако после Второй мировой войны в мире сложилось общее понимание важности минимальных стандартов прав человека, чтобы предотвратить новые ужасы войны. Составители Всеобщей декларации прав человека закрепили в тексте единый моральный стандарт, на основе которого можно оценивать действия государств¹⁸. Из-за разногласий им пришлось отказаться от определения природы прав человека, поэтому Декларация отражает «соглашение о несогласии», в котором отразился консенсус о невозможности определить единую природу прав человека. Нормы Декларации отражали мир, в котором люди способны защитить себя, основываясь на правах, существующих у них как у представителей человеческого рода¹⁹. Текст Декларации опирался на общее понимание минимального морального стандарта в отношении прав человека, который и обеспечивал правовую защиту. Концепция неотчуждаемых прав и свобод стала частью метанарратива модерна²⁰ и очертила пределы индивидуальной свободы человека, сферу его автономности²¹.

¹⁵ Харт Г. Л. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 131.

¹⁶ Marmor A. Interpretation and legal theory. 2nd ed. London: Hart Publishing, 2005. P.95.

¹⁷ Оглезнев В. В. Неопределенность права как лингвистическая проблема в контексте философии позднего Витгенштейна // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 4. С. 140.

¹⁸ Madigan J. Truth, politics, and universal human rights. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P.51.

¹⁹ Игнатъев М. Права человека как политика и как идолопоклонство. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 115.

²⁰ Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд: монография / под общ. ред.: А. А. Ливеровский, А. И. Овчинников. М.: Проспект, 2021. С. 133.

²¹ Там же. С. 131.

Со временем такой подход подвергся критике и содержание общепризнанных прав и свобод стало менять свой смысл в конкретных случаях их реализации. Несмотря на наличие онтологически обусловленных характеристик таких прав, их содержание может меняться государством в национальном законодательстве, в том числе вследствие различных вариантов их интерпретации²².

Соответственно, разное прочтение и применение международных актов о правах человека стало причиной размытия универсального смысла. Такую ситуацию хорошо демонстрирует мысленный эксперимент Л. Витгенштейна про жука в коробке. Он заключается в том, что у каждого человека есть коробка с чем-то внутри, называемым «жук». Никто не может заглянуть в чужую коробку, и все говорят, будто понимают, что такое жук, разглядывая каждый своего жука²³, но в итоге все люди могут иметь абсолютно разное содержимое коробки. Примерно такая же ситуация происходит при интерпретации правозащитных текстов: каждый человек заглядывает в свою «коробку», внутри которой, например, «право на жизнь», и воспринимает его по-своему. В итоге люди вкладывают в этот текст совершенно разный смысл, так как мы не можем заглянуть в «коробку» другого человека и понять его интерпретацию правовых текстов, а поэтому сами нормы теряют какой-либо единый смысл.

Особенно эти различия в восприятии юристами семантики слов и языка заметны на примере понимания права в относительно изолированных друг от друга сообществах. Например, подготовка текстов Международных пактов проходила в условиях противостояния двух социально-экономических систем. Каждая из них была заинтересована в закреплении своего содержания прав и свобод человека, которое именно эта система в них вкладывала²⁴.

После распада СССР обобщенно можно выделить несколько фундаментальных проблем универсального понимания. М. Игнатьев указывает на три вызова универсальному пониманию права в области прав человека, а именно: иное прочтение и понимание правозащитных текстов в исламском мире, в Восточной Азии, а также внутренние проблемы внутри Запада²⁵. Эти вызовы основаны не только на другом понимании прав человека, как, например, в отношении прав женщин, но и являются следствием восприятия западного языка прав человека как непоследовательного и противоречивого. Непоследовательность проявляется в разном применении норм к разным субъектам, что подрывает авторитет идеи прав человека для незападных стран и делает ее лишь инструментом морального империализма²⁶. Так, в начале 1980-х годов ряд азиатских государств выступили против универсальности прав, закрепленных в международных пактах, потому что считали эти права нереальными, оторванными от жизни и отражающими лишь европейские ценности²⁷. Исламские государства также сформировали свое понимание прав человека, представленное, например, в Каирской декларации по правам человека в исламе²⁸.

Столкновение между универсальным пониманием прав человека и региональными особенностями прочтения текстов о правах человека явно заметно в работах по правам человека в восточных регионах. Так, Л. Аллен, рассматривая вопрос

²² Там же. С. 133.

²³ Витгенштейн Л. *Философские исследования*. С. 156.

²⁴ Нефедов Б. И. *Катехизис аспиранта кафедры международного права: учебное пособие*. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 355.

²⁵ Игнатьев М. *Права человека как политика и как идолопоклонство*. С. 84.

²⁶ Там же. С. 86.

²⁷ Нефедов Б. И. *Катехизис аспиранта кафедры международного права*. С. 370.

²⁸ Там же. С. 371.

о правах человека в Палестине, указывает, что из способа достижения международной гармонии и вечных ценностей права человека стали средством дискредитации и политического давления²⁹.

Но кроме такого явного разнотечения языка прав человека, следует указать на внутреннюю проблему условно западного подхода к семантике прав.

В отсутствие единой истины аргументация в пользу универсальности прав человека, основанная на признании толерантности высшей ценностью, становится бессмысленной. Признание единственной универсальной истины в том, что мы должны не соглашаться на признание единой истины, логически бессмысленно³⁰.

На практике отсутствие единого понимания смысла прав выражается в расширении прав международных судов при толковании правовых текстов. Так, в Европейском Суде по правам человека (далее — ЕСПЧ) сформировалась концепция свободы усмотрения, подразумевающая, что государства пользуются определенной свободой усмотрения для определения оправданности различного обращения государства в схожих ситуациях. Объем свободы усмотрения зависит от обстоятельств, сферы применения и контекста, наличия или отсутствия общего знаменателя между государствами³¹.

В практике ЕСПЧ выработались пределы применения свободы усмотрения, связанные с критериями необходимости ограничений в демократическом сообществе и их принятием в установленном законом порядке³². Соответственно, у государств есть право отходить от единого, общего понимания прав человека, что приводит к развитию своего понимания прав человека в отдельных государствах из-за различных особенностей внутри государств, поэтому данная доктрина часто рассматривается как культурно релятивистский подход, угрожающей универсальности прав человека³³.

Таким образом, постмодернистские исследования выявили абсолютную неопределенность в понимании семантики языка права, что ставит под угрозу саму возможность коммуникации между субъектами, а также, по мнению ряда авторов, подрывает стандарты правосудия.

2.2. Структурная неопределенность

Х. Лаутерпахт писал, что признание неопределенности международного права не приносит ничего, кроме пользы, если не утверждать, что недостатки международного права постоянны и присущи его природе³⁴. Постмодернисты же показали вплетение неопределенности в саму ткань международного права. Эта неопределенность языка настолько сильно переплетена с правом, что является неотъемлемой частью любого правового утверждения.

Д. Кеннеди видел работу юристов в выведении системы норм и их анализе. Сами правовые нормы должны сделать реальный мир лучше, однако теории с разными вариантами таких систем увязали в постоянных спорах друг с другом.

²⁹ *Allen L.* The rise and fall of human rights. *The Rise and Fall of Human Rights*. Stanford: University Press, 2013. P. 187–188.

³⁰ *Madigan J.* Truth, politics, and universal human rights. P. 54.

³¹ *Case of Fretté v. France*, Application no. 36515/97, Judgment of 26 February 2002. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-60168> (дата обращения: 02.05.2022).

³² *Липкина Н. Н.* Правовые основания применения концепции «Свободы усмотрения» в практике Европейского Суда по правам человека // *Журнал российского права*. 2008. № 9 (141). С. 108–109.

³³ *Human Rights Between Law and Politics: The Margin of Appreciation in Post-National Contexts* / ed. by P. Agha. Hart Publishing, 2019. P. 39.

³⁴ *Crawford J.* *Chance, order, change: the course of international law, general course on public international law*. Brill, 2014. P. 135.

Разнообразие возможных вариантов взглядов на мир сделало возможным манипуляции с тканью международного права³⁵. Для своих работ постмодернистские исследования объединили язык теории и практики международного права³⁶. Если Г. Кельзен проводил четкое различие между ними, то для Коскенниemi они образуют единый дискурс³⁷, который и необходимо изучать.

Именно рассмотрение всего корпуса языка международного права позволило критическим правовым исследованиям выявить структурные проблемы, которые кроются в самом использовании языка международного права, т. е. в построении утверждения и его использования в аргументации.

Фундаментальный труд Коскенниemi «From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument», основанный на анализе судебных решений и правовой доктрины, отражает основные подходы к структурной неопределенности. Он писал, что норма международного права пытается обеспечить нормативность права, создавая дистанцию между ним и поведением, волей и интересами государства, но также пытается обеспечить конкретность нормы, отдаляя правовую норму от морали и идей справедливости³⁸. Если норма будет склоняться к нормативности, т. е. отделяться от субъективного аспекта действий государства, то она становится слишком утопичной, неспособной продемонстрировать свое внутреннее содержание какой-то ссылкой на фактические действия или волю государств. В противоположном случае, если норма связывается с волей и интересами государств с согласием между ними, она становится апологией и простым социологическим описанием того, как поступают государства³⁹. Коскенниemi выделял в праве противоположные характеристики, такие как конкретность/нормативность, согласие/справедливость и т. д.

Из такого взгляда на мир Коскенниemi выделял два способа рассуждать об обязательствах в международном праве и выстраивать аргументацию. Первый способ, нисходящий, сводит международный порядок и обязательства к справедливости, общим интересам или другим подобным идеям, которые воспринимаются как некий нормативный кодекс, предшествующий государству и определяющий его законные интересы. Такой способ оправдывает поведение на основе определенных идей и правил⁴⁰. То есть на основе чего-то внешнего, будь то справедливость или международная мораль, юристы определяют и отстаивают понимание конкретного текста. Второй способ, восходящий, утверждает международный порядок на основании действий государств, соответственно, легитимация текста правил происходит на основе фактов поведения, и конкретные правила понимаются сквозь призму согласия государств и их действий⁴¹. Средней позиции между этими способами нет, и обе позиции критикуют друг друга, поэтому международное право работает над тем, чтобы они казались совместимыми, обладали аурой нейтральности и определенности, но в итоге получают аргументы, которые постоянно перемещаются между восходящим и нисходящим способами,

³⁵ Kennedy D. *Theses about International Law Discourse // Sources of international law / ed. by M. Koskenniemi. Routledge, 2000. P. 84.*

³⁶ Grigg-Spall I., Ireland P. *The critical lawyers' handbook. Pluto Press, 1992. P. 7.*

³⁷ Von Bernstorff J. *Sisyphus was an international lawyer. On Martti Koskenniemi's "From Apology to Utopia" and the place of law in international politics // German Law Journal. 2006. Vol. 7, no. 12. P. 1017–1019.*

³⁸ Koskenniemi M. *From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. Cambridge University Press, 2006. P. 17.*

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. 59–60.

⁴¹ Ibid.

при этом способы остаются для оспаривания противоположными позициями⁴². Кроме того, юридические аргументы могут быть обратимыми, т. е. нисходящий аргумент может быть представлен как восходящий⁴³.

При этом противостоящие аргументы не обладают каким-то внутренним приоритетом по отношению друг к другу и рассматриваются как равноценные. Так как обе стороны спорят, опираясь на понятия независимости, равенства, согласия, справедливости и т. д., то невозможно построить аргумент, который действительно был бы убедительнее, чем аргумент противоположной стороны.

Аргументы, которые используют юристы в спорах, являются допустимыми и применимыми в смысле права. Несмотря на это, суду надо выбрать один из них, но так как эти аргументы по сути являются неотличимыми друг от друга, то выбор невозможен⁴⁴.

Таким образом, структурная неопределенность проявляется в том, что аргументация двух сторон в равной степени опирается на ценности и факты, что создает перечень из равнозначных аргументов, делая их принципиально неразличимыми. Соответственно, для Коскенниemi даже теоретическое устранение семантической или оценочной неопределенности не изменит неопределенность, присущую международному праву в силу его структуры⁴⁵, так как противоположные утверждения основываются на равных по своей ценности идеях и сопоставимых фактах.

2.3. Стертые границы слова

Постмодернистские работы, основываясь на достижениях лингвистической науки, выявили крупные проблемы в использовании языка права, которые заключаются в невозможности достоверно определить семантику утверждений и слов, а также построить убедительную систему утверждений, на основе которой можно удовлетворительно разрешить правовой спор. Такие выводы критических правовых исследований часто пессимистично рассматривались как дорога к правовому нигилизму⁴⁶. Это привело к двойственному восприятию текста международного права как ограничителя для действий государств, но в то же время и как инструмента политики на международной арене⁴⁷.

Нигилистическим выводам способствовали работы, которые адаптировали принцип неопределенности Гейзенберга из квантовой механики к праву, в результате чего сделали вывод об абсолютной невозможности определения значения норм права⁴⁸. Кроме того, при представлении права как формальной системы, которая основывается на объективном языке символов и синтаксисе, противоречивость и неполнота системы права выводилась из математической теоремы Гёделя о неполноте⁴⁹.

Лингвистический поворот в науке права, став катализатором ее развития, завел исследователей в тупик языковой неопределенности.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid. P. 504.

⁴⁴ Ibid. P. 506.

⁴⁵ Ibid. P. 62.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ The Cambridge companion to international law / ed. by J. Crawford, M. Koskeniemi. Cambridge University Press, 2012. P. 61.

⁴⁸ Stoeva Y. The 'Uncertainty Hypothesis' in International Economic Law // The Chinese Journal of Global Governance. 2016. Vol. 2, no. 1. P. 44–62.

⁴⁹ Bavlji H. J. Applying the Laws of Logic to the Logic of Law // Fordham Urb. Law Journal. 2005. Vol. 33. P. 937–952.

3. Метамодерн

Постмодернистский кризис науки стал серьезным препятствием для ее дальнейшего развития. Как указывает А. В. Поляков, необходимость преодолеть современные кризисы в науке ставят перед ней набор определенных задач, таких как разработка постклассической и постпозитивистской теории права, выходящей от тупиковости дихотомии и слияния натурализма и позитивизма, а также разработка обоснования прав человека, адекватного эпохе глобализации⁵⁰.

Опорной точкой для решения этих задач и преодоления постмодернистской критики может стать прекрасно отражающая реальность сфера искусства, где концепции постпостмодерна уже формируют свои характерные черты. Они формировались на фоне развития технологий, нарастающих глобальных проблем как экономических вроде кризиса 2008 г. и торговых войн, так и экологических, которые становятся все ощутимее с каждым годом⁵¹, а также постмодернистской деконструкции культуры. Преодоление этих кризисов обосновывает необходимость обращения к отвергнутым вечным и общепризнанным идеалам как к некоей опоре.

Метамодерн как наиболее популярная и продуманная концепция постпостмодерна предполагает обращение к идеям прошлого в качестве основы для дальнейшего развития. В нем провозглашается принятие и учет идей прошлых эпох, а не их отсечение, как в постмодерне⁵².

Данная концепция описывает новые культурные реалии, отражая особенности мира уже в своем названии. Платон использовал термин «метаксис» для обозначения одновременной божественности и смертности Эроса⁵³. Также и Р. ван ден Аккер, один из авторов концепции метамодерна, ставил в ее основу постоянные колебания (осцилляции) между контрастирующими идеями модерна и постмодерна⁵⁴. Кроме того, понятие «мета» рассматривалось им и как включающее в себя идеи прошлого. Если постмодерн отвергал идеи модерна, показывая их несовершенство и непригодность для дальнейшего использования, то метамодерн их принимает⁵⁵, что и дает основание для дальнейших колебаний.

В искусстве это выражается в скептическом взгляде на выводы, следующие как из тотального сомнения постмодерна, так и из скептицизма по отношению к постмодерну⁵⁶. В пример можно привести множество книг⁵⁷, а также произведений игрового кино⁵⁸ и аниме⁵⁹. Но наиболее явным образом это заметно в скульптуре Д. Хирста «Анатомия ангела» (рис. 1)⁶⁰, где сочетается классический

⁵⁰ Поляков А. В. Верховенство права, глобализация и проблемы модернизации философии и теории права // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 21.

⁵¹ IPCC: Summary for Policymakers // Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / ed. by V. Masson-Delmotte, P. Zhai, A. Pirani, S. L. Connors. Cambridge University Press, 2021. P. 3–32.

⁵² Ibid. P. 45–46.

⁵³ Ван ден Аккер Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ Классик, 2020. С. 47.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 45–46.

⁵⁶ Там же. С. 105.

⁵⁷ Radchenko S. Bleeding Edge of Postmodernism: Metamodern Writing in the Novel by Thomas Pynchon // Interlitteraria. 2019. Vol. 24, no. 2. P. 495–508.

⁵⁸ Ван ден Аккер Р. Метамодернизм... С. 67–88, 216–237.

⁵⁹ Афанасов Н. Б. Метамодернизм, постирония и капитализм в аниме One-Punch Man (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 2. С. 200–208.

⁶⁰ Shcherov V. I. Philosophical aspects of metamodernism // Journal of Gender and Interdisciplinarity. 2021. Vol. 2, no. 1. P. 577–578.

Рис. 1. The Anatomy of an Angel. Источник фото: <https://ekebergparken.com/en/kunst/anatomy-angel> (дата обращения: 02.05.2022).

Рис. 2. In Utero. Источник фото: <https://www.nirvana.com/album/in-utero/> (дата обращения: 02.05.2022).

образ ангела и постмодернистский образ ангела с человеческой анатомией, как на обложке альбома «In Utero» группы Nirvana (рис. 2).

Идеи метамодерна и способы выражения скептицизма в отношении постмодерна могут быть перенесены в юриспруденцию и дать праву новый импульс. Как указывал В. Д. Зорькин, суть метамодерна состоит в стремлении подняться над противоположными идеями модерна и постмодерна и, возможно, увидеть мир во всем единстве его многообразия⁶¹. При этом уже существует определенная схожесть с современной доктриной права. Аспекты имманентной диалогичности роднят подход метамодерна с постклассической философией права⁶². В основе концепции метамодерна лежит признание прошлого и постоянные колебания между идеями и образами модерна и постмодерна, что и дает опору и методологию для исследования права.

Сама концепция метамодерна черпала идеи из работ Гегеля⁶³, где на основе выдвинутого тезиса и противопоставляемого ему антитезиса образуется синтез и получается новое знание, но колебания метамодерна между модерном и постмодерном не приводят к абсолютно истинному знанию⁶⁴, сама концепция метамодерна отказалась от создания единственно верных систем мироустройства и формирования на их основе догм⁶⁵. Подход метамодерна формирует относительное (зететическое) знание, которое дает объяснение окружающей действительности, но при этом остается несовершенным и незащищенным для критики⁶⁶.

Соответственно, для преодоления неопределенности в применении языка стоит обратиться к концепции метамодерна.

⁶¹ Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Выступление на IX Петербургском международном юридическом форуме. URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html> (дата обращения: 02.05.2022).

⁶² Их схожесть будет видна далее по тексту. Признаки см.: Честнов И. Л. Правовая реальность как предмет постклассической философии прав // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 2. С. 30.

⁶³ Storm J. A. J. *Metamodernism: The Future of Theory*. University of Chicago Press, 2021. P. 6.

⁶⁴ Ibid. P. 18

⁶⁵ Ibid. P. 285.

⁶⁶ Ibid.

3.1. Преодоление семантической неопределенности или подглядывание в коробку

Постмодернистская критика может поставить под сомнение саму цель интерпретации и необходимость этой языковой игры в интерпретацию, так как любой результат будет неточным, а вывод — пониматься по-разному. Несмотря на выявленную невозможность прийти к финальному выводу, игроки продолжают в нее играть. П. Бурдые, известный социолог XX в., писал, что любая научная сфера требует иллюзии игры, которая заключается в самом факте захваченности игрой и вере в то, что игра стоит затраченных на нее усилий, так как игроки согласны в своей вере в необходимость этой игры⁶⁷.

На наш взгляд, ценность языковой игры применительно к международному праву проявляется не в захваченности игрой, а в намерении достичь лучшего мира, что отражено в преамбуле Устава ООН. Хотя мы и не можем достичь понимания в определении этого лучшего мира, но достижение идеалов из Устава ООН является адекватным началом для языковых игр⁶⁸.

Как уже отмечалось, скептицизм в отношении семантической неопределенности высказывался еще Г.Л. Хартом. Он указывал, что судьи, применяя достаточно определенные нормы, могут обеспечить необходимые стандарты правосудия в ситуациях полутени значения смысла⁶⁹. Кроме того, Д. Кроуфорд утверждал, что все сложности с пониманием текста в международном праве не создают такой уровень неопределенности, который не может быть преодолен⁷⁰. Международный Суд выносит свои решения, несмотря на всю неопределенность текста. Кроме того, Суд опирается на ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров как на «сильный инструмент толкования, способный придать тексту разумный смысл»⁷¹. Сам Коскенниemi писал, что хотя язык международного права и является европейским языком, это не мешает ему быть способным выражать нечто универсальное⁷².

П.-М. Дюпюи поддержал скептический настрой в отношении вывода Коскенниemi о невозможности определить универсальное содержание прав человека, приведя в качестве яркого примера разговор с иранцем, который на вопрос о неокOLONIALном характере прав человека ответил, что когда иракского, турецкого или афганского диссидента пытаются в тюрьме, он страдает точно так же, как француз или британец в пригородном полицейском участке, им всем нужна помощь правозащитных организаций⁷³ и все они надеются на правовые тексты, обеспечивающие им защиту. Поэтому необходимо принимать и продвигать универсальные ценности, интегрированные в нормы позитивного права⁷⁴.

Постмодернистской неопределенности стоит противопоставить модернистскую надежду на лучший мир, в котором права человека являются не просто «жуком» в коробке, а текстом, наделенным силой и смыслом для защиты людей.

Для иллюстрации метамодернистского преодоления постмодернистской неопределенности стоит рассмотреть такой спорный вопрос, как аборт. Как ука-

⁶⁷ Interpretation in international law / ed. by A. Bianchi, D. Peat, M. Windsor. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 56.

⁶⁸ Перефразируя Марка Аврелия: не стоит тратить время в спорах о том, каким должен быть лучший мир, — стремись к нему, играя в языковые игры права.

⁶⁹ Marmor A. No Easy Cases? // Canadian Journal of Law & Jurisprudence. 1990. Vol. 2, no. 3. P. 62–63.

⁷⁰ Crawford J. Chance, order, change... P. 118.

⁷¹ Ibid. P. 119.

⁷² Dupuy P. M. Some reflections on contemporary international law and the appeal to universal values: a response to Martti Koskenniemi // European Journal of International Law. 2005, Vol. 16, no. 1. P. 133.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Ibid.

зывает М. Игнатъев, если спорящие стороны облачают свои требования в форму прав, то их взгляды становятся непримиримыми, так как заявление о праве аналогично заявлению о чем-то, что не подлежит переговорам⁷⁵. Когда люди спорят об абортax, то обе стороны согласны с тем, что жизнь человека заслуживает защиты. Однако расхождения относительно момента начала этой жизни не позволяют считать за общую почву согласие сторон с правовой ценностью жизни. Согласие в этом вопросе не способствует преодолению разногласий относительно момента начала жизни и того, чьей жизни отдать приоритет — матери или ребенка⁷⁶.

И хотя невозможно выработать универсальную семантику права на жизнь, которая включала бы в себя единое общепризнанное отношение к абортax, на региональном уровне выявление этого содержания права на жизнь возможно. Так, ЕСПЧ, отражая европейские ценности⁷⁷, построил позицию на следующем тексте.

«Статья 2. Право на жизнь».

Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе, как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание».

В решении *Patron v. United Kingdom* Комиссия установила, что отнесение к эмбриону прав, защищаемых ст. 2, противоречило бы целям и задачам Конвенции. Комиссия признала, что хотя возможны два толкования данной статьи, однако в соответствии со ст. 2 право зародыша на жизнь подлежит ограничению⁷⁸. В деле *R. H. v. Norway* Комиссия пришла к выводу о соответствии статье 2 законного аборта, проведенного на основании того, что беременность и рождение ребенка могут поставить женщину в тяжелую жизненную ситуацию⁷⁹. ЕСПЧ признает, что у государств имеются широкие пределы усмотрения в законодательном регулировании данного вопроса⁸⁰.

Другим примером формирования собственного понимания «права на жизнь» может быть Арабская хартия прав человека, которая отражает собственные ценности в преамбуле. В отношении вопроса об абортax не сформировалось какого-то универсального понимания ст. 5, но в каждой стране сформировались свое отношение к абортax на основе исламского права⁸¹. И в случае спора на основании ст. 5 выявление ее смысла будет даваться с учетом позиций стран исламского мира, и этот смысл явно противоречит позиции ЕСПЧ.

«Статья 5»

1. Каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь».

2. Это право должно быть защищено законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни».

⁷⁵ Игнатъев М. Права человека как политика и как идолопоклонство. С. 53.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Стоит указать на преамбулу ЕКПЧ, где упоминается, что основные свободы являются основой справедливости и всеобщего мира, а их соблюдение обеспечивается «подлинно демократическим политическим режимом» и «всеобщим пониманием и соблюдением прав человека».

⁷⁸ *Paton v. United Kingdom*, European Commission of Human Rights, 13 May 1980 (1981) 3 E. H. R. R. 408 Application No. 8416/78. URL: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/10/EComHR-1980-Paton-v.-United-Kingdom-X.-v.-United-Kingdom.pdf> (дата обращения: 02.05.2022).

⁷⁹ As to the admissibility of Application No. 17004/90, R. H. against Norway. URL: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2016/12/H.-v.-NORWAY.pdf> (дата обращения: 02.05.2022).

⁸⁰ ECHR. R. R. v. Poland. Application no. 27617/04. Judgment of 26 May 2011. § 186. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-104911> (дата обращения: 02.05.2022).

⁸¹ *Hessini L.* Abortion and Islam: policies and practice in the Middle East and North Africa // *Reproductive health matters*. 2007. Vol. 15, no. 29. P. 78.

Очевидная разница в наполнении семантики права на жизнь лишь иллюстрирует широкий спектр смыслов, которыми государства наделяют эту норму и как они понимают момент возникновения права на жизнь.

Несмотря на отсутствие универсального понимания права на жизнь, Комитету по правам человека необходимо было истолковать текст, принятый в 1960-е годы:

«Статья 6

1. *Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни».*

На основе рассмотренных жалоб Комитет по правам человека сформулировал замечания общего порядка по тексту ст. 6. Он признал, что государства могут определять меры, направленные на регулирование добровольного прерывания беременности, эти меры не должны приводить к нарушению права на жизнь беременной женщины или девочки или других их прав. Возможное ограничение аборта не должно ставить под угрозу их жизнь или причинять боль по смыслу ст. 7 Пакта⁸². Замечание общего порядка содержит и другие конкретизированные идеи о соотношения абортов и других прав, закрепленных в Пакте. Так и произошло в деле *K. L. v. Peru*, в котором государство отказало женщине в проведении аборта по медицинским показаниям, что причинило ей серьезные психологические страдания. Комитет установил нарушение ст. 7 Пакта, но сделал вывод об отсутствии необходимости делать выносить решение по ст. 6⁸³.

Соответственно, Комитет по правам человека отказался определять и толковать семантику права на жизнь относительно момента ее возникновения, но он определил применение и положение этого права относительно других статей Пакта. Тем самым Комитет в логике постмодернистской критики не стал формировать универсальную семантику, но определил универсальные разумные границы смысла этого права относительно других норм. Пример с абортами иллюстрирует, что, несмотря на отказ определять момент начала жизни и обозначать единую семантику текста нормы, на универсальном уровне возможно установление определенных границ толкования. Недопустимость проведения абортов методами, которые могут причинить серьезные страдания, является одним из немногих универсальных наполнений семантики права на жизнь. При этом в духе зететического знания данный вывод уязвим для дальнейшей критики постмодернистов, так как понятия ст. 7 Пакта определены также неочевидно, но любая попытка установить универсальное содержание прав человека является лишь шагом в постоянных колебаниях между идеями модерна и постмодерна.

В науке появляются отдельные работы, пытающиеся на основе современной методологии объяснить процесс выявления смысла правовых текстов. Так, когнитивный подход к юридическим метафорам выглядит многообещающе, хотя и идет вразрез с классическими моделями правовой интерпретации. Когнитивные исследования показывают, что процесс интерпретации проходит в несколько параллельных этапов: предсемантическое распознавание, семантический анализ и контекстуальная адаптация. Схожая позиция разделяется исследователями, «вдохновленными Хартом»⁸⁴. Конечно, теории юридической интерпретации не

⁸² Замечание общего порядка № 36, CCPR/C/GC/36, 3 September 2019. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fGC%2f36&Lang=ru (дата обращения: 02.05.2022).

⁸³ *K. L. v. Peru*, CCPR/C/85/D/1153/2003, Communication No. 1153/2003. URL: <https://juris.ohchr.org/Search/Details/1215> (дата обращения: 02.05.2022).

⁸⁴ *Morra L.* New models for language understanding and the cognitive approach to legal metaphors // *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2010. Vol. 23, no. 4. P.395.

должны строиться на данных нейронаук, так как знание о механизмах понимания языка мозгом не дает ничего полезного для интерпретации правовых текстов, но эти работы позволяют понять, что анализ контекста нормы происходит во время семантического анализа текста⁸⁵. То есть хотя эмпирические данные показывают когнитивную сложность и многомерность процесса интерпретации, юридические сообщества разработали методы интерпретации текста, благодаря которым в условиях неопределенности юристы создают достаточно очерченные смыслы, исключающие произвольные результаты интерпретации⁸⁶.

Изменение взгляда на интерпретационный процесс позволяет рассмотреть его не как простой результат лингвистического анализа, а как нечто глубоко укоренное в общественном контексте, а следовательно, по мнению А. Банки, необходимо переключение внимания от свойств текста к интерпретирующим сообществам, чьи стратегии и определяют значение текста. То есть смысл текста является не кладом в песке слов, а продуктом сложной сети социальных отношений, включая контекст, в котором произошел речевой акт, значение слова в обществе и когнитивные рамки, обуславливающие границы понимания⁸⁷.

На наш взгляд, несмотря на всю возможную широту интерпретации языка права, которую выявила наука постмодерна, современные метамодернистские исследования стремятся продвинуть и обосновать определенное «окно Овертона» для толкования, т. е. границы, которые определили бы пределы разумного смысла при интерпретации. Ряд авторов считают, что границы приемлемого толкования чрезвычайно разнообразны и тонки. Эти ограничения могут проявляться в социальной среде, общей разумности, а также в историческом и культурном контексте интерпретации нормы⁸⁸.

Намечающийся исторический поворот в науке права⁸⁹ как раз может быть использован для определения этих ограничений в условиях семантической неопределенности. Например, работа Коскенниemi «The Gentle Civilizer of Nations» направлена на изучение истории международного права и понимание того, как определенные философские идеи сформировали отношение к международному праву и его нормам. Главы его книги описывают философско-историческое развитие идеи международного права в различных европейских государствах. Сам Коскенниemi писал, что обращение к истории позволяет ему выявить ряд предубеждений в вопросах права⁹⁰, хотя он и делает оговорку о том, что история не может объяснить все проблемы в праве из-за внутренних проблем⁹¹.

Таким образом, скептицизм в отношении семантической неопределенности текстов проявляется в установлении определенных границ толкования и исследовании этих пределов. Невозможно определить такие пределы для интерпретации права в целом. Однако отдельные государства со схожими социокультурными ценностями могут на региональном уровне определять приемлемые пределы интерпретации правовых текстов. Простое отсечение разумных версий от неприемлемых уже помогает сформировать единую семантику и «подглядеть» в «коробку

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Ibid. P. 401.

⁸⁷ Interpretation in international law / ed. by A. Bianchi, D. Peat, M. Windsor. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 13.

⁸⁸ Ibid. P. 382–392.

⁸⁹ Galindo G. R. B. Martti Koskenniemi and the historiographical turn in international law // European Journal of International Law. 2005. Vol. 16, no. 3. P. 541.

⁹⁰ Koskenniemi M. The gentle civilizer of nations: the rise and fall of international law 1870–1960. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 2.

⁹¹ Ibid. P. 7.

с жуком» у других международно-правовых институтов, что позволит выявить какие-то универсальные смыслы в правовых текстах.

3.2. Преодоление структурной неопределенности

Постмодернистская критика структуры аргументации стала серьезным аргументом в пользу правового нигилизма в отношении международного права.

Первые попытки выразить сомнение в структурной критике выразились в формировании новых теоретических подходов, которые объясняли, как язык права становится нормативным и действительным. Так, сформировалась Нью-Хавенская школа, которая объясняла право через политику и воспринимала правовые тексты как инструмент для продвижения человеческого достоинства и мирового общественного порядка⁹². Данный подход рассматривает любой правовой текст с позиции политики, авторитета авторов текста и намерения контроля за его исполнением⁹³. Фактически данный подход принял выводы критических правовых исследований и признал язык права частью языка политики.

Другой непрямой научный ответ, который преодолевал выявленные структурные проблемы (хотя и не ставил такой цели) предполагал обращение к экономике. Ученые-экономисты, такие как А. Алчиан и Р. Коуз, произвели рокировку ценностей, поставив на первое место экономическое понятие эффективности, а уже на второе — идею справедливости⁹⁴. Коуз указывал, что судьи должны выносить решения с учетом экономических последствий и принимать их в той степени, в какой это возможно без создания чрезмерной правовой неопределенности⁹⁵. То есть в ситуации, когда перед судьей встают и нисходящие, и восходящие аргументы, использующие равнозначные ценности, для вынесения решения необходимо оценивать фактические аспекты, и то, как решения повлияют на экономическую систему. Это и должно помочь выбрать один из аргументов. Соответственно, с точки зрения данного подхода судьи должны руководствоваться не только юридической логикой, основанной на аналогии и силлогистике, но и на соображениях экономической эффективности⁹⁶.

Однако эти и другие подходы, которые описывали способы преодоления структурной критики, оставались в рамках постмодернистской парадигмы, в рамках языковой неопределенности. Исследования рубежей теории права на границе с политикой и экономикой никак не меняют само восприятие и использование языка права.

На наш взгляд, сомнение и преодоление структурной неопределенности может основываться на обращении к идеям и образам эпохи модерна. Одной из таких идей может быть идея иерархического построения международного сообщества. Вплоть до середины XX в. в праве существовало деление на цивилизованные и нецивилизованные страны⁹⁷. Так, Ф. Мартенс указывал, что международное право — это продукт правосознания народов европейской нации, а одинаковые усвоенные ими нравственные и правовые воззрения — одно из условий

⁹² *Land M.* Reflections on the New Haven school // *NYL Sch. L. Rev.* 2013. Vol. 58. P.920.

⁹³ *Wiessner S.* The New Haven School of Jurisprudence: a universal toolkit for understanding and shaping the law // *Asia Pacific Law Review.* 2010. Vol. 18, no. 1. P.45–61.

⁹⁴ *Гаджиев Г. А.* Право и экономика (методология): учебник для магистрантов. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. С. 30.

⁹⁵ Там же. С. 33.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2008.

правового порядка⁹⁸. Конечно, сейчас речь не может идти о восприятии международной системы как верховенства одной правовой системы в монополярном мире, так как исторические уроки колониализма и его разнообразных форм кровью вписаны в существующие международные соглашения.

Метамодерн утверждает не ценностный релятивизм, где все ценности рассматриваются как одинаковые, а системы квазиерархических ценностей⁹⁹, т. е. в каждом обществе, государстве или цивилизации можно выделить свои характерные иерархии ценностей. Данная квазиерархия не закрепляется нормативно и не отражается в документах, но предопределяется историей, культурой и даже университетской средой.

Соответственно, стоит перенести из эпохи модерна идею разного отношения к ценностям и приоритет одних над другими для отдельных сообществ. Если в праве эпохи модерна было очевидно, что европейские ценности преобладают над ценностями других народов, то для метамодерна европейские ценности стоят на одном уровне с ценностями других культур. Внутри этой системы ценностей приоритет уже может отдаваться разным идеям, вследствие чего один набор аргументов воспринимается как более весомый, чем другой.

Конечно, невозможно определить этот внутренний квазиерархический список ценностей для каждого судьи и отдельного человека, но возможные базы данных по международным ценностным отличиям помогают проиллюстрировать разные приоритеты государств в отношении ценностей.

Одна из таких баз, *World Value Survey*¹⁰⁰, основывается на результатах социологических опросов почти в 100 странах мира. Такие опросы выявляют отношение людей к вопросам демократии, иностранцам, равенству и т. д. На основании результатов опросов формируются графики, отражающие отношение людей к категориям ценностей выживания/самовыражения, а также традиционным/секулярно-рациональными ценностям. Конечно, они не могут идеально отражать ценности того или иного сообщества, но сам факт таких исследований показывает разное отношение к ценностям, а следовательно, и к используемым аргументам.

Таким образом, стоит воспринимать мир как систему с квазиерархическим распределением ценностей, вследствие чего отдельные судьи, воспитанные в этой системе ценностей, будут отдавать приоритет каким-то конкретным правам человека. Это также хорошо иллюстрируется практическим исследованием Э. А. Познера и М. Ф. П. де Фигейреду о распределении голосов в Международном Суде ООН. Они установили, что судьи часто голосуют за государства, которые похожи на их родные государства в плане культуры, богатства и политического режима¹⁰¹. Это может свидетельствовать о формировании у судей внутренних приоритетов ценностей на основе среды, где они выросли.

Процесс утверждения ценностной квазиерархической системы в международном праве сопровождается и иллюстрируется изменением фрагментации и ее восприятия. Так как проследить изменения в отношении ценностей для отдельных государств почти невозможно, то для иллюстрации этого процесса необходимо опираться на более явные изменения в системе взаимодействия государств. Хотя фрагментация — комплексное явление, причины которого лежат в разных общественных явлениях, изменение дискурса фрагментации отражает изменения в отношении

⁹⁸ Там же. С. 101.

⁹⁹ Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд... С. 112.

¹⁰⁰ The Inglehart-Welzel World Cultural Map — World Values Survey 7 (2022). URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 02.05.2022).

¹⁰¹ Posner E. A., De Figueiredo M. F. P. Is the international court of justice biased? // The Journal of Legal Studies. 2005. Vol. 34, no. 2. P. 624.

к универсальным ценностям международного права. Например, в работе А. Виссенберг и К. Шестаковой показано, что постмодернистский дискурс восприятия фрагментации как негативного явления и угрозы системе международного права сменился на исследование фрагментации в качестве естественного процесса развития международного права и формирования порядка взаимодействия правовых систем¹⁰².

Такие изменения свидетельствуют о формировании сложной системы международного права, в которой разные государства и правовые режимы создают свое собственное отношение к правовым ценностям и их внутренней иерархии.

Стоит отметить и работу Г. Нолта, в которой признается размытость грани между политикой и правом, из-за чего толкование и применение договора по правам человека имеет политическое измерение. Но несмотря на это, в любом споре всегда можно найти «правильное решение» по применению прав человека в конкретном случае¹⁰³. Невозможно «доказать» правильность такого решения в той же степени определенно, как теоремы в математике, но если допустить существование права и суда, то стоит допустить и существование «правильного решения». Для Г. Нолта неопределенность права приводит не к его отрицанию, а к изучению того, в какой степени норма предоставляет возможность для вариаций политического решения и в какой момент она исключает другие конкретные политические решения в споре, выбирая именно этот подход¹⁰⁴. Политические aberrации при вынесении судебных решений не говорят об отсутствии стремления и невозможности нейтрально истолковать текст нормы и применить его к правам человека. Если институты правосудия сохраняют осознание разницы между политическим призывом к соблюдению прав человека и своей обязанностью взвешивать противоположные соображения из правового текста, тогда международное право выдержит будущие вызовы¹⁰⁵.

Вывод

Таким образом, в результате исследования было сделано несколько выводов.

Во-первых, процесс интерпретации подвергся фундаментальной деконструкции и критике со стороны постмодернистов, что привело к абсолютизации неопределенности права, проявляющейся в невозможности определить единую семантику правовых текстов, а также построить убедительные аргументы, которые действительно бы обосновывали выбор той или иной позиции.

Во-вторых, можно констатировать наступление периода метамодерна в искусстве, который отражает современную реальность, находящуюся в постоянных колебаниях между идеями модерна и постмодерна.

В-третьих, на основе концепции метамодерна выводы постмодернистских исследований могут быть подвергнуты сомнению. Преодоление семантической неопределенности проявляется в нахождении минимального общего содержания смысла правовых текстов. В результате этого спектр неопределенности ограничен разумными рамками толкования, внутри которых возможно противоречие, но тем не менее оно содержит универсальное понимание смысла текста. Сомнение в структурной неопределенности выражается во взгляде на мир как на систему с квазиерархическими ценностями, где каждое общество обладает своими приоритетами в распределении ценностей. Появляющийся тренд на исследования,

¹⁰² Виссенберг А., Шестакова К. Эволюция дискурса о фрагментации международного права // *Международное право*. 2020. № 1. С. 29–49.

¹⁰³ Nolte G. Treaties and their practice: symptoms of their rise or decline. *Treaties and their Practice*. Brill Nijhoff, 2019. P. 369.

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ Ibid.

направленные на выявление причин формирования именно таких взглядов на правовые тексты и систему ценностей, помогает прояснить причины определенного толкования правовых текстов.

References

- Adorno, Teodor. 2003. *Negative Dialectics*. Moscow, Nauchnyi mir Publ. (In Russian)
- Afanasov, Nikolay B. 2020. Metamodernism, Postironia and Capitalism in the anime One-Punch Man (end). *Znanie. Ponimanie. Umenie* 2: 200–208. (In Russian)
- Agha, Petr. 2019. *Human Rights Between Law and Politics: The Margin of Appreciation in Post-National Contexts*. Hart Publishing.
- Allen, Lori. 2013. *The rise and fall of human rights. Cynicism and Politics in Occupied Palestine*. Stanford University Press.
- Bavli, Hillel J. 2005. Applying the Laws of Logic to the Logic of Law. *Fordham Urb. Law Journal* 33: 937–951.
- Bianchi, Andrea., Peat, Danieal and Windsor, Matthew. (ed.). 2015. *Interpretation in international law*. Oxford, Oxford University Press.
- Chestnov, Ilya L. 2019. Legal reality as item of postclassic law philosophies. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* 6(2): 28–34. (In Russian)
- Crawford, James and Koskenniemi, Marti (ed.). 2012. *The Cambridge companion to international law*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Crawford, James. 2014. *Chance, order, change: the course of international law, general course on public international law*. Brill.
- D'Amato, Antony. 1983. Legal Uncertainty. *California Law Review* 1 (71): 1–55.
- Dupuy, Pierre-Marrie. 2005. Some reflections on contemporary international law and the appeal to universal values: A response to Martti Koskenniemi. *European Journal of International Law* 16 (1): 131–137.
- ECHR. R. R. v. Poland. Application no. 27617/04*. Judgment of 26 May 2011. § 186. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-104911> (accessed: 02.05.2022).
- Gadzhiev, Gadis A. 2018. *Law and economics (methodology): textbook for masters*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Galindo, George R. B. 2005. Martti Koskenniemi and the historiographical turn in international law. *European Journal of International Law* 16(3): 539–559.
- Grigg-Spall, Ian and Ireland, Paddy. 1992. *The critical lawyers' handbook*. Pluto Press.
- Hart Georg L. 2007. *The concept of law*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Hessini, Leila. 2007. Abortion and Islam: policies and practice in the Middle East and North Africa. *Reproductive health matters* 15 (29): 78–84.
- Human Rights Committee*. General comment No. 36, CCPR/C/GC/36, 3 September 2019. Available at: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolNo=CPR%2fC%2fGC%2f36&Lang=ru (accessed: 02.05.2022).
- Hutton, Chris. 2009. *Language, meaning and the law*. Edinburgh, Edinburgh University Press.
- Ignatieff, Michael. 2019. *Human rights as politics and as idolatry*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
- K. L. v. Peru, CCPR/C/85/D/1153/2003, Communication No. 1153/2003*. Available at: <https://juris.ohchr.org/Search/Details/1215> (accessed: 02.05.2022).
- Koskenniemi, Marti. (ed.). 2000. *Sources of international law*. Routledge.
- Koskenniemi, Marti. 2004. *The gentle civilizer of nations: the rise and fall of international law 1870–1960*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Koskenniemi, Marti. 2006. *From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Kozlova, Maria S. (ed.) 1996. *Philosophical Ideas of Ludwig Wittgenstein*. Moscow, IFRAN Publ. (In Russian)
- Land, Molly. 2013. Reflections on the New Haven school. *NYL Sch. L. Rev.* 58: 919–930.
- Lipkina, Nadejda N. 2008. Legal bases of application of the concept “Margin of appreciation” in practice of the European Court of Human Rights. *Zhurnal rossiiskogo prava* 9(141): 106–117. (In Russian)

- Liverovsky, Aleksey A., Ovchinnikov, Aleksei I. (eds). 2021. *Constitution. Constitutionalism. Constitutional Court*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Lyotard, Jean-Francois. 2016. *The State of the Postmodern*. St. Petersburg, Alateia Publ. (In Russian)
- Madigan, Janet. 2007. *Truth, politics, and universal human rights*. Palgrave Macmillan.
- Marmor, Andrei. 1990. No Easy Cases? *Canadian Journal of Law & Jurisprudence* 2(3): 61–79.
- Marmor, Andrei. 2005. *Interpretation and legal theory*. 2nd ed. Hart Publishing.
- Martens, Fedor F. 2008. *Modern international law of civilized nations*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russian)
- Masson-Delmotte, Valerie, Zhai, Panmao, and Piarmi, Anna and others (eds.) 2021. *Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge University Press, 2021.
- Morra, Lucia. 2010. New models for language understanding and the cognitive approach to legal metaphors. *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique* 23(4): 387–405.
- Nefedov, Boris I. 2018. *Catechism of graduate student of international law department: textbook*. Moscow, MGIMO-University Publ. (In Russian)
- Nolte, Georg. 2019. *Treaties and their practice: symptoms of their rise or decline. Treaties and their Practice*. Brill Nijhoff.
- Ogleznev, Vitaly V. 2020. Indeterminacy of law as a linguistic problem in the context of Wittgenstein's later philosophy. *Praksema. Problemy vizual'noi semiotiki* 4: 137–149. (In Russian)
- Paton v. United Kingdom, European Commission of Human Rights, 13 May 1980 (1981) 3 E. H. R. R. 408 Application No. 8416/78*. Available at: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/10/EComHR-1980-Paton-v.-United-Kingdom-X.-v.-United-Kingdom.pdf> (accessed: 02.05.2022).
- Poliakov, Andrey V. 2006. Postclassical jurisprudence and the idea of communication. *Pravovedenie* 2: 28–29. (In Russian)
- Poliakov, Andrey V. 2013. The rule of law, globalization and the problems of modernization of philosophy and theory of law. *Pravovedenie* 4 (309): 18–30. (In Russian)
- Poliakov, Andrey V. 2016. *General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach: textbook*. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Polyakov, Andrey V. 2016. *General theory of law: problems of interpretation in the context of the communicative approach: textbook*. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Posner, Eric A. De Figueiredo, Miguel F. P. 2005. Is the international court of justice biased? *The Journal of Legal Studies* 34(2): 599–630.
- Radchenko, Simon. 2019. Bleeding Edge of Postmodernism: Metamodern Writing in the Novel by Thomas Pynchon. *Interlitteraria* 24(2): 495–508.
- Shcherov, Vladimir I. 2021. Philosophical aspects of metamodernism. *Journal of Gender and Interdisciplinarity* 2(1): 567–588.
- Stoeva, Yana. 2016. The 'Uncertainty Hypothesis' in International Economic Law. *The Chinese Journal of Global Governance* 2(1): 44–62.
- Storm, Jason A. J. 2021. *Metamodernism: The Future of Theory*. Chicago, University of Chicago Press.
- The European Commission of Human Rights. Case of Fretté v. France*, Application no. 36515/97, Judgment of 26 February 2002. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-60168> (accessed: 02.05.2022).
- The European Commission of Human Rights. R. H. against Norway*. As to the admissibility of Application No. 17004/90. Available at: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2016/12/H.-v.-NORWAY.pdf> (accessed: 02.05.2022).
- The Inglehart-Welzel World Cultural Map – World Values Survey 7*. (2022). Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (accessed: 02.05.2022).
- Van den Akker, Robin. 2020. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*. Moscow, RIPOL Klassik Publ. (In Russian)
- Vissenberg, Al'mira and Shestakova, Ksenia. 2020. The Evolution of the Discourse on the Fragmentation of International Law. *Mezhdunarodnoe Pravo* 1: 29–49. (In Russian)

- Von Bernstorff, Jochen. 2006. Sisyphus was an international lawyer. On Martti Koskenniemi's "From Apology to Utopia" and the place of law in international politics. *German Law Journal* 7 (12): 1015–1035.
- Wiessner, Siegfried. 2010. The New Haven School of Jurisprudence: a universal toolkit for understanding and shaping the law. *Asia Pacific Law Review* 18 (1): 45–61.
- Wittgenstein, Ludwig. 2018. *Philosophical Studies*. Moscow, AST Publ. (In Russian)
- Ziborov, Oleg, Medushevskaya, Natalja, Sigalov, Konstantin. 2021. "The Sociocultural Context in Law: Modernism — Postmodernism — Metamodernism". *WISDOM* 1 (1): 232–245. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v1i1.682>
- Zor'kin, Valeriy. D. 2019. The right of metamodernity: Statement of the problem. *Vystuplenie na IX Peterburgskom mezhdunarodnom iuridicheskom forume*. Available at: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html> (accessed: 02.05.2022). (In Russian)

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2022 г.
Рекомендована к печати 16 сентября 2022 г.

Problems of the uncertainty of law through the prism of the metamodern

D. S. Sechin

For citation: Sechin, Daniil S. 2022. Problems of the uncertainty of law through the prism of the metamodern. *Pravovedenie* 66 (4): 448–467. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.406> (In Russian)

The aim of the study is to form the fundamental problems of interpretation of legal texts on the basis of modern philosophical approaches, as well as the search for possible ways to overcome them. The focus of the article is the legal interpretation in international law, due to a number of special characteristics, like the extreme diversity of cultural and legal traditions, the relative primitiveness of international relations, etc. The author does not seek to draw prescriptive conclusions, but to describe descriptively the workings of the language of law, its understanding and use. The problem of the perception of texts is not new for science, but the relevance of this work is related to the analysis of the postmodernist critique of the interpretation of law. The main part of this critique focuses on two fundamental problems: semantic indeterminacy, when subjects put different meanings into the words they use, and also structural indeterminacy, demonstrated by M. Koskenniemi, when the arguments of the parties are seen as equivalent, making it impossible to make a truly reasoned choice between the arguments presented by the parties. Overcoming postmodernist criticism is possible on the basis of the concept of metamodern, which implies overcoming the main ideas and concepts of the modern and postmodern era. General scientific methods are used, in particular, deduction — to apply the concept of metamodern to individual problems of interpretation, as well as induction — to form general conclusions based on the analysis of the practice of interpretation of legal texts. The removal of the postmodern thesis of semantic indeterminacy of texts is based on the appeal to the ideas of modernity about the establishment of rules of interpretation and acceptance of certain limits of reasonable interpretation. Overcoming the identified structural ambiguity in the application of legal norms lies in rethinking the universal hierarchical organized system of values of modernity. In the modern world, a system with quasi-hierarchical values operates, where, in the absence of an explicitly constructed universal hierarchy, states view some values as higher in priority than others, making it possible for courts to choose between value-based arguments.

Keywords: international law, interpretation, legal uncertainty, metamodern, semantic uncertainty, structural uncertainty.

Received: September 4, 2022
Accepted: September 16, 2022

Daniil S. Sechin — Postgraduate Student, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; just-daniil@yandex.ru